ДМИТРИЙ ЛАБЗИН

ОСКОЛКИ ФАРФОРОВОГО САМУРАЯ

Дмитрий Лабзин

Осколки фарфорового самурая

«Автор»

2013

Лабзин Д.

Осколки фарфорового самурая / Д. Лабзин — «Автор», 2013

Один герой и две сюжетные линии превращают роман в водоворот из осколков событий, мыслей и чувств. Террористы захватывают театр во время спектакля и все, кто был внутри, в одночасье становятся живым щитом. Мимолетные и одновременно запоминающиеся образы складываются в разноцветную мозаику из страха, отчаяния и любви. Поможет ли главному герою игра со смертью разобраться в себе и в своей жизни? Одержит ли он победу в этой жестокой игре? Что станет с остальными заложниками? У каждого будет свой ответ.

© Лабзин Д., 2013
© Автор, 2013

Содержание

I	5
II	6
III	7
IV	8
V	9
VI	10
VII	11
VIII	12
IX	14
X	16
XI	18
XII	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Дмитрий Лабзин
Осколки фарфорового самурая

Квентину

I

Взрыв!

II

Партер заполнился дымом и криками о помощи. В зрителей полетела штукатурка вперемешку с кусками человеческой плоти. Если ещё пять минут назад вероятность того, что провинциальный театр будет захвачен террористами, была совершенно ничтожна и сама мысль об этом казалась глупой и бессмысленной, то теперь произошедшее было осознано как свершившийся факт.

III

Сразу после взрыва нашлись смельчаки, в том числе и я, которые попытались выбраться из зала. Такое развитие событий не стало неожиданностью для наших захватчиков, и я счёл разумным прижаться к полу сразу после того, как первый из беглецов был застрелен в упор из автомата.

Сердце, и без того барабанившее как Дейв Ломбардо, едва не выпрыгнуло из груди, когда холодное дуло пистолета коснулось моего виска. *Я* повернул голову и поразился изнеженности и даже беспомощности сжимавшей его руки – она никогда не стреляла, могу поклясться! Жаль, что некому. Мгновение спустя моя нижняя челюсть встретилась с тяжёлым армейским ботинком, и двухнедельные походы к дорогому стоматологу сделались напрасными. Мир провалился в темноту.

IV

Как и всегда в таких случаях, был обычный, ничем не примечательный зимний вечер. Дежуривший по средам на подмостках областного театра драмы Шекспир и в этот раз готовился развлечь местную публику тем, что могло присниться только летом. Это было очень кстати в морозную погоду.

Незадолго до спасительного антракта в искусственной темноте где-то между Афинами и прилегающим к ним лесом раздался непонятный шум, заглушивший старания звукорежиссёра, послышались выстрелы. Зажглись огни рампы, и на сцену выбежал главный режиссёр театра Алтуфьев в костюме совершенно не соответствующем эпохе повествования пьесы: чёрные лакированные туфли, серые брюки от костюма итальянского стиля на подтяжках и белая рубашка. Через прижатые к животу пальцы сочилась кровь, тёмное пятно расползалось вокруг ладоней. Немного картинно растянувшись посреди сцены, тело народного артиста России вызвало волну недоумения в зрительном зале, прерванного вполне ожидаемым, но от того не менее истеричным женским криком: «Убили!». В зале зажёгся свет, раздались выстрелы из автоматического оружия. На сцене, у всех выходов из зала, на балконах и бельэтажах появились вооружённые люди в военной форме и масках.

Начался процесс сбора мобильных телефонов и усмирения непонятливых посредством тычков прикладами автоматов в живот и грудь. Коллективный страх сковал каждого из нас, лишив возможности совершать элементарные движения. Трясущиеся руки были не в состоянии удержать телефоны, а пластиковые пакеты оказывались слишком трудной мишенью для перепуганных людей, и добрая половина средств связи падала на пол. Наша неловкость раздражала террористов, их раздражение передавалось нам – круг замкнулся, запустив реакцию аккумулирования энергии напряжения. Её вполне логичное высвобождение произошло чуть позже, а пока каждый пытался разобраться в происходящем вокруг безумии. Молча смотреть в глаза незнакомцу считается посягательством на его личное пространство, проявлением первобытной агрессии. Мы же беспомощно озирались по сторонам в тщетной попытке разложить сюрреализм происходящего вокруг безумия на рациональные составляющие, ограничиваясь немыми вопросами, когда встречались наши глаза. В каждом взгляде читалось только одно: страх перед смертью. Парадоксально то, что ни в одном из них не сквозило желание жить.

V

В зал начали приводить работников театра. Старшая буфетчица Антонина Григорьевна была отмечена особым вниманием: левый глаз заплыл, одно ухо уже успело посинеть, из разбитого носа всё ещё текла кровь, а на белом халате в области живота, спины и бюста пятого размера красовались отпечатки чьих-то подошв. Это была славная битва советской буфетчицы с международным терроризмом, победа в которой её противнику досталась лишь по очкам. Ведь, если судить по её твёрдой походке, ни о каком нокауте не могло быть и речи.

Нестройной колонной под конвоем по сцене прошествовали те, кто был занят в постановке и во время захвата находился за кулисами. Надо сказать, что актёры нашего театра, или артисты, как они о себе думают, выглядели скорее потерянными, чем напуганными. Униженные, оскорблённые безжалостным актом чужой воли, превратившим их в простых смертных – зрителей, – они прыгали со сцены в зал и занимали места в проходах между рядами. Подошла очередь Титании, но этот этюд оказался ей не по силам – в последнее время заслуженная артистка сильно раздалась, чем доставляла теперь немало хлопот Оберону и Паку, принимавшим её внизу. Как они ни старались, но нивелировать вполне объяснимые недостатки грации своей партнёрши им так и не удалось, и вся компания дружно спикировала на первый ряд немного правее от центра сцены. Зона поражения в пять мест оказалась самой большой за всю историю театра, даже во время новогодних представлений удавалось зацепить максимум троих зрителей. Маленький, тщедушный мужичок невольно оказался погружённым в бесконечную пучину артистического тела по самую макушку своей освобождённой от волос головы. Его немногим более проворные соседи успели сжаться в позе зародышей и хоть как-то защититься от обрушившегося на них звёздного вещества. Некоторое время продолжалось копошение в попытке обрести равновесие, пострадавший ряд зрительских кресел вёл себя достойно и, как ни трещал, упасть отказался.

Единственный алмаз среди местных помпезных булыжников – Гермия легко спорхнула со сцены, одарив зал полуистеричной улыбкой ужаса, правда, не отменявшей игривый огонёк в её чуть разведённых от переносицы кошачьих глазах. (Отметим для себя, что ей идёт этот стилизованный под неопределённое время костюм и даже беспощадная рука худрука оказалась неспособной затмить её несомненный талант, но в роли приблудной собаки она была несравнимо лучше: больше очарования, непосредственности и вещей *в облипку).*

Последними в этой не по-скоморошьи унылой процессии шли два молодых актёра из свиты Титании. Волею автомата Калашникова в руках одного из террористов им досталась роль санитаров сцены. Они подошли к ещё неостывшему телу своего бывшего руководителя и взяли его за ноги. Возможно, после пары-тройки лет, проведённых в массовке, эти феи-неудачники неоднократно представляли себе подобную картину, но теперь волочить тело режиссёра было жутко и страшно.

VI

Переступив через волнообразный след последнего пути главного режиссёра, взорам перепуганной публики предстал главный персонаж этой безумной пьесы – обладатель роскошной чёрной бороды и гипнотизирующего взгляда, воскресший полевой командир Будаев.

Всего неделю назад мировые новостные агентства трубили о ликвидации его банды где-то в горах Кавказа. Жадной до сенсаций публике были своевременно предоставлены кадры с места боевых действий, изобиловавшие вполне стандартными гильзами, воронками от снарядов и гранат, грудами камней, некогда бывшими чьими-то домами, обездоленными войной людьми. Особую ценность представляли фотографии искалеченных тел поверженных террористов, в том числе и их командира. Оценка его деятельности давалась самая разная: от бандита и террориста российскими СМИ до борца за свободу и мученика за веру на британских и американских телеканалах. Спор абсолютно бессмысленный, всегда сводящийся к выяснению того, у кого длиннее ядерный потенциал, но не участвовать в нём нельзя, как наивно полагают реальные стороны конфликта.

На торжественной встрече в Кремле президент поздравил командный состав с успешным выполнением «архисложного» задания и, неуместно воспользовавшись цитатой из гениального кинофильма Эйзенштейна, предостерёг мировой терроризм от новых атак на нашу страну. Раздавались ордена и дачи генералам, медали и звания бойцам. Шампанское, коньяк и изысканные закуски создавали непринуждённую атмосферу, столь отличную от суровых условий повседневной военной службы и спецзаданий. Казалось, никто уже не вспоминал о Будаеве и ему подобных, праздно предаваясь протокольному веселью.

Теперь же он стоял перед нами живой и невредимый. Натовская зимняя форма, кобура с пистолетом, капельки воды на бороде и высоких армейских ботинках, доставшиеся этому грозному образу от недавно растаявшего снега, и чёрные глаза – визитная карточка любого террориста, неважно, кубинского, пакистанского или чеченского, окружённого ореолом непримиримого борца за справедливость и свободу.

В зале установилась тишина. Было слышно лишь неровное дыхание соседей, и чей-то нарождающийся бронхит отзывался тем же сухим кашлем, что можно услышать на аудиозаписи Берлинского филармонического оркестра, исполнявшего Бетховена зимой сорок четвёртого года, несмотря на голод и бомбёжки. Пауза затянулась, но это был как раз тот случай, когда ни один зритель не хотел, чтобы воцарившееся молчание неожиданным образом утратило хрупкое равновесие и разлетелось вдребезги под безжалостным натиском слов.

Неизбежное свершилось. Речь, произнесённая в антураже из автоматов, хмурых бородачей и шекспировских декораций, повергла в экстатическое исступление незадачливых неврастеников. Через несколько секунд и точных ёмких фраз аудитория превратилась в живой щит для террористов и пушечное мясо для политиков. Всем следовало сидеть тихо и ничего не предпринимать во избежание неприятных инцидентов, подобных тому, что приключился с главным режиссёром. По залу рассредоточились названные нашими *избавителями* женщины в чёрном со всемирно известными поясами на талии и горячей верой в сердцах. Будаев предпринял попытку перейти к главному – цели захвата, но не вполне адекватные и вполне бескультурные представители театральной публики стали его перебивать и даже пытались возмущаться. Вновь завладеть вниманием аудитории не удалось – поднимавшуюся волну истерии было уже не остановить. Люди вскакивали со своих мест, кричали, но, опасаясь боевиков в масках, не пытались бежать. *Я* заметил, как одна из шахидок зашла за портьеру правого бокового выхода из партера. Террористы присели, закрыли уши руками.

И тут раздался взрыв.

VII

По моему возвращению из забытья, где я в тот момент предпочёл бы оставаться, меня водрузили в свободное кресло между двумя субъектами. Один из них был обладателем больших, влажных, постоянно шлёпающих губ, издававших до того противные звуки, что я не сразу смог разобрать в них слова. Эти розовые кожно-мышечные складки скороговоркой выдавали «божемойбожемойбожемойбожемой…», на его широком, бугристом лбу выступили крупные капли пота, тело била мелкая дрожь. По правому виску и щеке была размазана кровь, красные пятна покрывали воротник пиджака, галстук и видимый треугольник рубашки, на коленях лежала оторванная по локоть женская рука с зажатым в кулаке пультом управления детонатора. *Я* резко отвернулся, сдерживая рвотные позывы и после относительной победы над своим организмом – я ещё ощущал во рту привкус омерзения – обнаружил другого соседа. Им оказался пожилой мужчина лет шестидесяти пяти с неприятными на вид ушами, покрытыми порослью седых волос, и очень гордым профилем. Его глаза были снисходительно прикрыты, лицо – бледным, а от серого воротника рубашки к подбородку ползли красные пятна. Он не дышал. Он был мёртв.

Будаев вновь вышел на авансцену и вонзил свой гипнотизирующий взгляд в аудиторию. Убедившись, что каждое его слово будет адекватно воспринято, он приказал встать тем, кто неосмотрительно пытался бежать после взрыва. Задвигались невидимые мне бойцы, защёлкали затворы автоматов, случилась пара обмороков, я встал со своего места. Невидимые пальцы взвели курки и четыре выстрела возвестили об окончании спектакля для очередного квартета зрителей.

Казалось, что с момента выстрелов прошла целая вечность, перед глазами локомотивом пронеслась жизнь, и тело, словно прощаясь с этим миром, растратило свою массу впустую, так и не сохранив энергии для Вселенной. Не раз приходилось читать подобный патетический бред? Бееее.

Облегчение – вот, что я почувствовал. По непонятной причине я всё ещё был жив и практически здоров. Исключение составляла голова, не так давно побывавшая мячом для регби. За свой мужской поступок (слова Будаева) мне было позволено выбрать новое место в зрительном зале. Ощущение мнимой свободы подхватило меня, неся на своих крыльях столь изменчивую и капризную по отношению к заложникам удачу. Шуршите женщину, как говорят французы. Я оглядел зал. Среди тревожно трясущегося желе из людских тел и душ меня поразили две пары отчаянно красивых глаз, по счастью расположенных по обе стороны от свободного кресла. *Я* сделал знак, что хотел бы пройти именно туда, и через несколько мгновений сидел в очень приятной компании на пятнадцатом месте одиннадцатого ряда, отделённого от десятого широким проходом. Голубые глаза справа, чуть более светлые у зрачков, с прожилками серого и тёмно-синей каймой у самых белков; изумрудно-зелёные глаза слева, ровного цвета, с чёрными точками зрачков посередине. Стоит отметить, что у этих драгоценных камней были достойные оправы: премиленькие лица, прекрасные элегантно полуприкрытые ладно скроенными платьишками фигурки и прелестные стройные ножки, опровергающие сомнения великого русского поэта одним фактом своего существования. Чуть не забыл: справа шатенка, слева брюнетка. Обе натуральные, что, к сожалению, является теперь большой редкостью.

VIII

Развод оказался на редкость неприятным событием, до сих пор отзывающимся гулким эхом в каждой мелочи моей жизни. Пять лет до заключения союза и три в нём были совершенно чудесным временем, несмотря ни на какие трудности. Но оказалось, что наши чувства не были взаимны и, если я делал сознательный шаг с намерением прожить долгую и счастливую жизнь, то моя избранница проделывала этот путь скорее по инерции (её слова), сообщённой её душе упорхнувшим чувством. Не было ни измен – она была слишком горда для этого, ни взаимных обид и оскорблений. Просто настал момент, когда она больше не смогла обманывать себя тихим семейным счастьем и честно мне в этом призналась. Раздел имущества я отменил как процедуру совершенно недостойную, взяв лишь то, что уместилось в небольшой дорожный чемодан, с которым мы совершили наше свадебное путешествие. Жена и наш двухлетний сын продолжили обживать недавно отстроенный дом, я же вернулся в небольшую двухкомнатную квартиру, любезно дарившую нам своё тепло первые годы совместной жизни.

Я безумно её любил, и именно безумие едва не стало спасительной бухтой для моей измотанной души. У моего организма есть одна, можно сказать, физиологическая особенность: любое, едва наметившееся внутри уплотнение в виде душевного расстройства, должно дойти до крайней стадии раковой опухоли недееспособности. Острое переживание превращает мой организм в груду развалин, кровяное давление скачет в немыслимых диапазонах, аппетит сменяется апатией, а мозговая активность снижается до уровня, что бывает у бегемота-старожила в заштатном зоопарке.

Силы покинули моё тело. Сон играл со мной в кошки-мышки, то оставляя бодрствовать по сорок часов, то полностью выключая мой организм во время очередного телефонного разговора. Мозг отказывался выполнять даже базовые функции: у меня появились признаки нарушения координации, а способность мыслить ясно, казалось, утрачена навсегда. Впрочем, у меня и раньше наблюдались подобные отклонения, но не в такой тяжёлой форме. Объяснения данному состоянию я не находил, благо современное общество создало подходящее лекарство и от этой напасти. Все попытки совладать с собой заканчиваются ничем, и в последующие пятьдесять дней я совершаю обряд очищения сознания: лёжа на диване, тупо пялюсь в телевизор.

На этот раз однообразие сменявших друг друга передач, каналов, лиц и их коммерческих теней, честно отрабатывавших контракты своих хозяев даже после их скоропостижной смерти, привело к полной потери ориентации во времени. Нефть дорожала, очередной тайфун – Марина, Катя, Иоланта Петровна – превращал Америку в Атлантиду, доллар и евро устраивали глобальные разборки, повергая аналитиков в шок, и только зубная паста по-прежнему героически жертвовала свой кальций в пользу половинок куриных яиц. Каждой трагедии своего героя! Каждой сенсации свою жертву! Борьба добра со злом на этом не заканчивалась, и легионы прокладок и тампонов в кровопролитных сражениях, в перерывах между тщетными оскароносными попытками заставить меня поверить в семейное счастье директора фабрики (и просто матери-одиночки) и слесаря-алкоголика, отстаивали право женщин всего мира носить белое, тонны жевательных фруктов очищали зубы после каждого приёма пищи, а волосы блестели и вились даже зимой.

В стандартный эфирный набор был включён и пошлейший дятел, полчаса низводивший бессмертное произведение Россини до уровня обыденного фона для идиотской сцены погони, призванной рассмешить всех, но не каждого. Хотя сразу после этого культурного преступления кот и мышонок проделывают аналогичные трюки, но уже под произведения Ференца Листа и Иоганна Штрауса, и они бесподобны. Наткнуться на героев Котёночкина показалось большой удачей, потому как эта вершина для западной киноиндустрии недостижима: вся предшеству-

ющая ей *мультипликация погони* доведена до абсолютного совершенства, хотя и начиналась как подражание.

Так в виртуальных блужданиях от шедевра до ширпотреба я провёл на диване шесть дней. Иногда мне доводилось прокладывать замысловатые маршруты к холодильнику либо уборной, экстренный случай предусматривал посещение супермаркета. Но пока ничто не предвещало того, что мне придётся покинуть своё убежище: на полу в зале лежала коробка чипсов, несколько упаковок солёных орехов и двадцать бутылок различного лимонада; в холодильнике разместились две банки арахисового масла и три батона; в морозильной камере ждали своей очереди по четыре пачки вареников с творогом и картошкой. Последние я поначалу варил с сюрпризом, и вкусовые рецепторы бунтовали, когда внутрь посыпанного тростниковым сахаром творожного предательски проникала начинка от картофельного собрата. Но уже через три дня я делал full mix[1], заливал соевым соусом и не ощущал никакого дискомфорта.

На седьмой день я проснулся где-то в половине третьего дня и обнаружил телевизор включённым на канале National Geographic. Взрослый лев спаривается с самкой до тридцати раз в день. Молодец, так держать! Затем рафинированная блондинка с Магазина на диване пыталась продать мне чудо-тёрку, а надежда русского настольного тенниса смазала решающий удар. Я снова возненавидел телевидение. Головная боль, духота, разбросанные по полу пустые пачки из-под чипсов окончательно вывели меня из душевного оцепенения. Всё, отдых окончен.

[1] Full mix (англ.) – в данном случае означает полное, беспорядочное смешивание.

IX

Я подошёл к зеркалу. Увиденное отражение натолкнуло на мысли о хорошей ванной и долгом, кропотливом бритье, но энтузиазма хватило только на то, чтобы смахнуть крошки от картофельных чипсов с разноцветной щетины. Заляпанный свитер скрылся под курткой, измятые, но чистые джинсы были расправлены мною поверх незавязанных ботинок. Чёрная шапка от немецкого производителя спортивной одежды завершила образ люмпен-пролетария, которому не хватает двадцати рублей на опохмел, ему очень неудобно просить, но он обязательно отдаст. Я собрался протянуть руку к выключателю, но лампочка была столь любезна, что с хлопком перегорела и избавила меня от лишних движений. Вышел. Захлопнул дверь. Пара оборотов ключа – и мой хрупкий мир надёжно защищён от любых проникновений.

Серая улица, словно не заметив моего недельного отсутствия, встретила тем же унылым пейзажем. Изменилось только направление ветра, да жёлтая урна у скамейки вместо привычного снега была набита пустыми бутылками – спутниками беззаботного веселья. Морозный воздух кольнул заплывшее лицо, защекотал ноздри, наполнил лёгкие. Радостно забилось сердце, распределяя свежий кислород по измождённому организму. Я вышел из подъезда на улицу неуверенной походкой космического путешественника, ступившего в неизведанный и от того безумно притягательный мир. Нерадивость дворника и скользкая тротуарная плитка, по дешёвке доставшаяся компании-застройщику, превратили мой третий шаг в этюд, достойный Бенни Хилла. Переломов удалось избежать, но последние чистые джинсы теперь были вымазаны в песке и соли. Плевать! Так даже больше гармонии с моим отлежавшимся образом. Уже через двадцать шагов я перестал хромать, ступал уверенно и бодро.

На другой стороне улицы меня ждала награда за испорченную одежду. На стеклянные двери супермаркета изнутри были повешены оранжевые листы альбомного формата с рекламой продуктов по самым низким ценам в районе. Среди многообразия марокканских апельсинов, аргентинских яблок, сенегальских бананов и французского алкоголя выделялось следующее:

АНАНАС. 90–50 руб. шт.
КОТ-ДЕ-ВУАР
ООО «Камелот».

Каким-то непостижимым образом иностранное название Берега Слоновой Кости превратилось в Берег Виденный, столь далёкий, почти недостижимый, но вместе с тем такой родной. Сложившись пополам от смеха, я вошёл внутрь, где меня ждали неприветливый молчаливый охранник и осуждающие взгляды, подаренные мне женщинами-кассирами не первой свежести, впрочем, как и многое другое в этом заведении.

У сырного отдела образовалась небольшая очередь из вашего покорного слуги и молодой женщины с трёхлетней девочкой. Пока старшая выбирала, что вечером окажется на столе, младшая попыталась сбежать из своего сиденья в магазинной тележке, но не учла законов гравитации. Я поймал её в пяти сантиметрах от пола и бережно поставил на ноги. Ребёнок даже не успел испугаться. Зато потом, разглядев меня, она состроила предрёвную рожицу, обхватила маму за ногу и уткнулась лицом в самые безопасные джинсы на свете. Девушка отошла от шока и, поблагодарив меня, спросила свою дочурку, что случилось. Если ответ перевести на понятный язык, то он прозвучал так: «Дядя страшный». Пришлось играть на опережение, смеяться и говорить, что всё в порядке, ведь дядя действительно страшный и себя немного запустил. Мы раскланялись с пожеланиями доброго дня. Разобравшись с покупками, они ухо-

дили под тихий монолог о том, что одна неизменно позорит другую, оставив меня один на один с тридцатью сортами сыра.

Впервые за последние дни я встряхнулся, был бодр и весел. Захотелось полезных продуктов, коих набралось килограммов двенадцать. Разумеется, среди них оказался и ананас из неведомой страны. Появилось подозрение, что пластмассовая ручка вот-вот отстыкуется от синей корзины, но катастрофы не произошло, и первая ступень осталась на месте. Равновесно распределив покупки по двум пакетам, я вышел на улицу в образе жизнерадостного бомжа-шопоголика и едва не столкнулся с ней. Она поразила меня с первого взгляда. Тонкие линии произвольно расчерчивали пространство, создавали идеальную форму, заключающую в себе синтез инженерной мысли и высокого изобразительного искусства. Моя душа встрепенулась, и передо мной замаячила цель. Сначала ненавязчиво, едва различимо, но, с каждой минутой всё больше проникая в моё сознание, она прочно вошла в мою жизнь. Оставалось найти дилера Mercedes в одном из ближайших городов (наш мегаполис такого позволить себе не мог) и осуществить задуманное.

X

Возвращение из супермаркета на тот момент показалось мне менее захватывающим событием, правда, не лишённым спортивного азарта борьбы и восторга победы над почтовым ящиком: ключей от него я никогда не имел, хотя почту изымал регулярно. Способов было несколько, но захват бумаг между указательным и средним пальцами правой руки по эффективности превосходил все остальные, включая щипцы для кондитерских изделий и пинцет из маникюрного набора. На этот раз в мой почтовый ящик по старой памяти проникло пригласительное письмо на запланированный на следующей неделе ежегодный театральный вечер для *истинных ценителей*.

Нахлынувшие воспоминания едва не вернули меня к моему жалкому состоянию. Дело в том, что моя жена была и остаётся большой поклонницей театра, вследствие чего нам пришлось вступить в элитный клуб его почитателей. За довольно большие членские взносы мы получали лучшие места, скидки, пригласительные на премьеры и творческие вечера, принимали активное участие в жизни театра. С самого начала я, как мог, противился этой затее и подговаривал её подружек делать вид, что им интересна та или иная постановка. Иногда авантюра срабатывала, и мой вечер оставался свободным от чьих-то жалких потуг изобразить высокое искусство, но неудач было гораздо больше. Теперь в моих руках был билет и программка со списком высокопоставленных гостей, включающим губернатора и мэра с супругами. Поначалу я хотел отказать и не тратить впустую два-три часа своей жизни, но, немного поразмыслив, решил пойти, ведь других планов у меня пока не было.

Программка всё ещё была у меня в руке, когда я зашёл в квартиру. Попытка повесить куртку, разглядывая приглашение, оказалась неудачной, и неконтролируемый рукав смахнул с полки фарфорового самурая. Этот полёт оказался для него последним: такого отношения к себе фарфор, даже японский, вынести не пожелал и распался на осколки разного размера.

Он достался нам совершенно случайно. Приблизительно через полгода после нашей свадьбы у моей двоюродной бабушки случился юбилей, на котором собрались разбросанные по миру представители большой и некогда дружной семьи. Моя троюродная тётка обитала в то время в Японии, откуда привезла целый саквояж безделушек. На торжество мы пришли одни из первых и потому получили возможность покопаться в милых японских штучках. Вееры меня не впечатлили, миниатюрная катана вызвала резкий протест со стороны супруги, и мы сошлись на фарфоровом воплощении японского дворянина. Он простоял на полке в прихожей два с половиной года, и всё это время исправно охранял входную дверь от непрошеных гостей, духов и сквозняков. Он был незаметной, но очень важной частью интерьера, которой будет не хватать после нелепой утраты.

Я принялся убирать осколки с пола, мысленно ругая себя за отсутствие пылесоса. Процесс очень походил на тот, что путём бесконечных проб, логических и ассоциативных размышлений превращает чехарду разноцветных кусочков картона, вытряхнутых из коробки, в альпийский пейзаж или величественный парусник с картинки. Разница лишь в том, что на этот раз результатом будет полупустой полиэтиленовый пакет битого стекла, уже через пять минут после начала уборки со звоном выброшенный в жерло мусоропровода. Сначала я собрал крупные осколки. Всего их набралось пять: согнутая в колене правая нога, левое предплечье, средняя часть спины, правая и левая рука. Края фарфора оказались очень острыми, и я не заметил, как порезался. Внутри левой руки оказался спрятанным крохотный веер. Я аккуратно раскрыл его и поднёс к двери в зал, откуда в тёмную прихожую падал неяркий свет. Исполнение было на высоте: хрестоматийные пейзажи с горой Фудзи на одной стороне и веткой цветущей сакуры на другой. Изысканная ручная работа была помещена мною в шкатулку с обручальным коль-

цом. Оставшиеся мелкие осколки я смёл в небольшую кучку и аккуратно, в несколько приёмов, отправил вслед за крупными.

Оставался последний элемент – голова воина. Пришлось лечь на живот и прижаться щекой к немытому полу, чтобы хоть что-то разглядеть под платяным шкафом в коридорном полумраке – скорее всего, она закатилась именно туда. Света мало, но за беглецом предательски тянулся неровный след в домашней пыли. Его глаза устрашающе сверкали – даже после смерти в них не было ни капли сожаления, только решимость идти в бой за своего господина. Достать голову рукой не представилось возможным – не хватало длины ладони. На тумбочке для ключей лежала шариковая ручка, которую я арендовал на время у старого ежедневника, исполнявшего роль семейной записной книжки. За время супружества больше половины его страниц были исписаны различными заданиями друг для друга, пожеланиями хорошего дня и нежными признаниями. Удар. Фарфоровая голова отлетела в плинтус и вылетела наружу. Последняя часть головоломки оказалась в моей руке. Из двух пальцев сочилась кровь. Пришлось порыться в старой аптечке среди дырявых блистеров и практически пустых бутылочек, прежде чем мне попался пузырёк с остатками йода. Тёмно-коричневая жидкость обожгла средний и указательный пальцы правой руки, кровь уже не сочилась.

Я надел фартук и впервые за две недели принялся колдовать над плитой. Получился весьма сносный сливочный суп с грибами в количестве восьми порций, овощной салат и лёгкий десерт. После трапезы я устроился на диване и начал поиски автомобиля.

XI

Последние годы мой бизнес приносил пусть и небольшой, но вполне стабильный доход. Больших трат в ближайшем будущем не предвиделось, и я твёрдо решил потратить на себя часть свободных денег. Пятнадцати минут поисков в Интернете хватило, чтобы определиться с местом и временем покупки. Оставалось привести себя и свой туалет в порядок, что заняло оставшуюся часть дня. Рано утром я был на автовокзале, а уже через три с половиной часа достиг пункта назначения. Предвкушение от покупки переполняло меня, полностью освободив от мрачных мыслей. Казалось, что даже природа радуется вместе со мной – минус пять, солнце и штиль очень редко собираются вместе в начале февраля в этой части России.

Преодолевая недоумение, со мной поздоровался менеджер, как того требует корпоративный кодекс поведения, и поинтересовался, чем он может быть полезен. Наверное, стоило соблюсти дресс-код, а не надевать свой старый, почти до дыр затасканный, скейтерский прикид. Я сказал, что хотел бы приобрести Mercedes C 250, но для начала неплохо было бы на нём прокатиться. После преодоления бюрократических формальностей и ознакомления с картой тест-драйва мы оказались внутри уже прогретой машины. Пока я настраивал её под себя, мой спутник говорил заученный текст о преимуществах этой модели, её уникальности и особенностях. Рычаг коробки в положение D. Плавный старт. Менеджер деликатно замолчал, позволяя мне побыть один на один с автомобилем, почувствовать его, восхититься. Манёвры на парковке салона завершились удачно, и мы выкатились на полупустое шоссе. Нога сама надавила на газ, обрушивая всю мощность двигателя на задние колёса. Нас вдавило в сидения, а уши заложило, как при взлёте самолёта. Сосед забеспокоился из-за небольшого нарушения скоростного режима, и я втиснулся в узкие для моего восторга законные рамки. Комфортная посадка, плавный ход, незаметная и очень чёткая работа коробки и двигателя создавала ощущение очень качественной компьютерной игры, словно сидишь на месте, а дорога, автомобили, окружающий пейзаж, покрытые инеем деревья, небольшая стая бездомных собак летят навстречу. Уже через пару минут неровности дорожного полотна и рука с жезлом, вытянутая служителем закона, стряхивают с происходящего налёт ирреальности. Пассажиры пристёгнуты, скорость не превышена, документы в порядке. Счастливого пути. Через двести метров – разворот и обратная дорога к автосалону.

Настало время сменить такт на чутьё, и мне было предложено осмотреть автомобили на стоянке салона. Особой необходимости в этом не было: я заранее осведомился о наличии автомобилей, но из вежливости согласился на небольшую прогулку. Передо мной открывали свои двери белые, тёмно-серые и серебристые воплощения двести пятидесятого, хотя мой взгляд не отрывался от единственно правильного чёрного. Особая серия, Avantgarde, тёмный салон и комплект зимних шин с весёлым резиновым человечком на ободе, некогда названным великим русским писателем крайним проявлением человеческой пошлости, в подарок. Я возьму её.

На оформление всех необходимых бумаг ушло около получаса, по истечении которого я проследовал в кассу автосалона. Там я раскрыл свой рюкзак с воспетыми тремя полосками на кармане и вынул восемь пачек пятитысячных купюр. Я сразу заплатил за страховку, чтобы не тратить время. Когда с формальностями было покончено, мне вручили ПТС, ключи, страховой полис и начищенный до блеска автомобиль. Летние шины в багажнике, транзитные номера на предписанных правилами местах. Счастливого пути!

Минут пять было потрачено на то, чтобы точно настроить водительское место и зеркала заднего вида. Глубокий вдох, небольшая задержка дыхания, выдох. Приветственный взмах рукой, и мы покидаем территорию автосалона по уже знакомому маршруту.

Путь до ближайшей заправки был проделан в абсолютной тишине.

До полного.

Настало время проверить в деле аудиосистему, и я отправил в cd-чейнджер три диска. Для того, чтобы насладиться всей полнотой звучания, я поставил дебютный альбом трёх альтернативных волшебников из Самары – «Фею Драже», затем другое трио перенесло моё сознание в эпическое совершенство чёрных дыр и откровений. Напоследок, когда город трёх радиоактивных сосен остался позади, а обострённое чувство прекрасного требовало отдушины DIY[2], из динамиков полились звуки второго альбома лучшей русскоязычной панк-группы. Я громко соглашался с ними в бесполезности унитаза летом, а полное невежество Памелы Андерсон относительно познаний в русском языке навевало щемящую тоску. А ведь и вправду, мне не судьба с тобой проснуться, Пэм!

[2] DIY (Do It Yourself) (англ.) – дословно «сделай сам».

XII

Стокгольмский синдром – бред с точки зрения здравого смысла. Но если взглянуть на него с головокружительной высоты коммерческого успеха и добавить немного творчества, то получится весьма сносное средство от скуки для стареющих домохозяек, подверженных острым приступам романтизма. Дешёвые и не очень голливудские боевики, слезливые мелодрамы, заезженные телесериалы, эксцентричные французские комедии – массовая культура может бесконечно долго высасывать из этого псевдонаучного явления деньги, лишь изредка преподнося своим потребителям шедевры вроде одноимённой песни Blink 182. Но где было бы его место, если бы в тот злополучный банк на исходе лета 1973 года ворвался не душка Улссон, а безбашенный фанатик, заранее распрощавшийся с жизнью, ради очередной бредовой идеи или вечной жизни в гипотетическом раю. Одно дело, когда перед тобой загнанный, запутавшийся в жизни человек с такими же или чуть большими проблемами, что и у тебя, который знает о том, как держать в руках оружие только из фильмов про войну или полицейских. Он никогда не выстрелит, потому как не знает, где находится предохранитель, не станет пытать ради удовольствия, не закроется тобой как щитом. Его можно понять и даже, руководствуясь душевным порывом, принять его точку зрения, ведь практически каждого в этой жизни что-то не устраивает или раздражает. Политики, войны, счета за квартиру, идиот-начальник, цены на бензин – вокруг миллионы поводов взорваться, выплеснуть свой гнев и идти дальше, переживая о том, что накануне зря разбили витрину «Макдака».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.